

“СМЕРТЬ” И “НОЧЬ II” ЛЕРМОНТОВА В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Татевосян Рузан Вачеевна
доктор филологических наук, профессор
 Армянский государственный педагогический
 университет имени Хачатуря Абовяна,
 г. Ереван

“THE DEATH” AND “THE NIGHT II” OF LERMONTOV TRANSLATED INTO ARMENIAN

Tadevosyan Ruzan
 Doctor of Philology, Professor,
 Armenian State Pedagogical University
 after Kh. Abovyan, Yerevan

Аннотация

Исключительным интересом к Лермонтову в армянской действительности объясняются неоднократные обращения не только к его наиболее известным, но и к ранним и не очень известным произведениям. В статье рассматриваются два перевода стихотворения “Смерть” (В.Давтяна и В.Бабаяна) и перевод “Ночи II” (В.Геворкяна). Отмечается изменение строфики, усиление богоборческого пафоса, эмоциональное выделение в переводах отдельных строк.

Abstract

The repeated appeals not only to the most famous creations of Lermontov but also to the earliest and not very known ones are explained by the exclusive interest towards him in the Armenian reality. The article deals with two translations of the poem “The Death” (by V.Davtyan and V.Babayan) and the translation of “The Night II” (by V.Gevorgyan). The change of prosody, the increase of God-struggling zeal, the emotional assignment of some lines in the translations is pointed out.

Ключевые слова: философские стихотворения; строфика; перевод; множественность интерпретаций; интонационный строй; богоборческий мотив; анафоры.

Key words: philosophical poems; prosody; translation; multiplicity of interpretations; intonational order; God-struggling zeal; anaphors.

Переводы, являясь неотъемлемой частью историко-литературного процесса, отражают основные его закономерности, выявляют внутренние потребности культуры, “встречные течения” (Ал. Веселовский). Некоторые переводы становятся единичным вектором в отдельном временном промежутке. Другие утверждают “присутствие” переводимого автора в отечественной культуре множественностью разновременных обращений к его произведениям.

К Лермонтову в армянской действительности интерес был особый, исключительный, хронологически исчисляемый с 40-х годов 19 века до переводов, создаваемых в наше время, в веке 21-м. За это время переводятся, и по нескольку раз, не только “избранные”, наиболее известные произведения, не только созвучные армянской литературе по тематике (“кавказские”, “изгнаннические” и т.д.), но и, например, написанное на французском языке стихотворение “Non, si j'en crois mon esperance...” (“Ոչ, իմ հույսիս հիշխմանը”), ранние “Ночи” и т.д.

В статье мы рассматриваем два перевода стихотворения “Смерть”, вторая половина которого является переработкой стихотворения “Ночь I” (“Я зрел во сне, как будто умер я”) и перевод “Ночи II”.

Стремление определить свое отношение к миру, к великой тайне жизни и смерти выразилось в философских стихотворениях Лермонтова 1830-го года (“Ночь I”, “Ночь II”, “Ночь III”).

Мемуаристы отмечают “неразлучность” Лермонтова с “огромным томом Байрона” в это время. Литературоведы подтверждают такую “неразлучность” исследованием общности мотивов, композиционных и метрических особенностей. Отмечалось также, что разделение ночных дум на главы восходит к поэме Юнга “Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии”.

Как и у Байрона (“Тьма”, “Сон”), у Лермонтова “Ночи” представляют монолог героя, пересказ страшных, эсхатологических картин сна в форме безрифменного пятистопного ямба.

В “Смерти” (“Ласкаемый цветущими мечтами”, 1830-1831) вторая половина стихотворения (с 70-ой строки) является переработкой стихотворения “Ночь I” (“Я зрел во сне, как будто умер я”).

Пробуждение от сна, навевающего цветущие мечты, оказывается также сном (“Но пробуждение тоже было сном”). Лирический герой “вдвое обманут был воображеньем”. В этом пробужденье-сне он ощущает “хладное дыханье” смерти: тело расстается с душой. Его терзает последнее сомнение: как можно чувствовать блаженство или горькие страдания вдали от земли, где он искал самопознания, где любил и терял. И в этих размышлениях наступает забвение: душой забылся и снова жил, но вне земных предметов, без боли, беспокойства. “Страшные сны лирического героя, –

пишет А.Янушевич, – формируют пространство бездорожья и безвременья” [5, с. 33].

В бесконечности пространства разворачивается книга, в которой “мой ужасный жребий ясно для меня Начертан был кровавыми словами”. И звучал он как приказ: “Иди и возвратись На землю”. И он летит на землю и первое, что видит, это мавзолей, под которым люди его похоронили. Он сходит в гроб, где уже гниет его труп, в котором ползают черви. Он со стороны, но одновременно с судорожной болью смотрит на гибель друга-тела. В описании своего разлагающегося трупа видно влияние Байрона (“Тьма”). Лирический герой пытается согреть дыханьем прах, оживить бранные остатки своей бессмертной жизнью. Но напрасно. Тогда он изрекает “дикие проклятья” на мать, отца, на всех людей. Он ропщет на творца, хочет изречь хулы на небо. Но просыпается.

В сборник произведений Лермонтова 1941 г [2]. “Ночи” и “Смерть” не включены. В трехтомнике Лермонтова “Смерть” помещена в переводе В.Давтяна [3, с. 122-125], который включён и в однотомник 1982 года [4, с. 141-144]. В 2003 г. напечатан перевод В.Бабаяна [1, с. 85-88].

В.Бабаян изменяет строфику, В.Давтян, в основном, следует строфическому делению оригинала. В оригинале – одиннадцатисложные строки, в переводах В.Давтяна и В.Бабаяна – десятисложник. В.Бабаян дробит строфику оригинала: 9-9-13-6-2-6-3-3-2-6-8-8-4-11-7-4-5-9. Одна из двухстрочных строф, содержащая приказ духу, например, к тому же и выделена:

ԱՆՍԱՐՄԻՆ ՈՉԻ, ԳՆԱ ՈՒ
ԴԱՐՁԻՐ ՆՈՐԵՆ ԴՈՒ ԵՐԿԻՐ:

В оригинале эти строки, входящие во вторую строфу, не выделяются:

Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга.
Начало второй строфы:
Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было,

В.Давтян переводит, лишь в пунктуации отступая от оригинала – в середине третьей строки появляется многоточие:

Հանկարծ իմ հանդեպ տարածության մեջ այս անծայրածիր

Մի անհայտ ձեռքով, մի խուլ աղմուկով,
Ինձ-որ գիրք բացվեց... Ճատ բան էր գրված
Այս գրքում:

В переводе В.Бабаяна эти строки выделены в отдельную (седьмую) строфу:

Հանկարծ իմ առջև, անծայր տարածքում
Ահեղ խռչոցով բացխուփվեց մի գիրք,
Ինչ-որ անծանոթ մեկի ձեռքերով:

В строке “Где жадно я искал самопознания” В.Давтян “самопознание” перевёл как самозабвение: “Ուր տեսնում էր նրանք եմ ես ինքնանորոգում”. У В.Бабаяна перевод точный – ինքնանախառնում. В строке “Остались хладны, хладны, как презренье” “презренье” у В.Давтяна

стало “ненавистью”: “Մնացին սառը, սառը, ինչպես ինքն՝ ստեղծությունը”. Неудачен и перевод В.Бабаяна: “Պաղ էին նրանք ինչպես մոռացում” (хладны как забвение).

В.Бабаян, грубо вторгаясь в строфику, однако часто внимателен к интонации и лексике оригинала.

Приведем примеры:

Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы,...

В переводе В.Давтяна в разрез с оригиналом появляется повтор:

Հանձախ չէր զարկում սիրտս և սակայն,
զարկում էր ուժեղ,

Զարկում հիվանդոտ ինչ-որ սարսուռով,
Եվ իմ մարմինը, վերջն իր տեսնելով, ձգտում էր
նորից

Անհամբեր հոգուս ավյունը պահել:
Перевод В.Бабаяна точнее:
Միտս արագ չէր զարկում, բայց ուժգին
Ու հիվանդագին պիրկ ցնցումներով,
Մարմինս տեսավ ժամն իր օրհասի
Ու փորձեց զսպել հոգուս անհանգիստ
Մոլուցքը վայրի.

В заключительных строках у Лермонтова, в отличие от Байрона, звучит богоборческий мотив:

Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать. . .

Но замер голос мой, и я проснулся.

Перевод В.Давтяна:

ABSTRACTABSTRACT Երկար ու երկար
տրանջում էի արարչի հանդեպ,

Երկյուղ կրելով աղոթել նրան,
Ցանկանում էի պարսավել երկիրն
Ու այսպես ասել...
Բայց ձայնս հանգավ, ու ես արթնացա:

В переводе В.Бабаяна усилен богоборческий пафос (хотел завять в лицо бога, извергнуть хулу, неистово орать):

Կամեցա ոռնալ տիրոջ երեսին,
Մոռացած իսպառ թե՛ աղոթք, թե՛ ցավ,
Ու հայիոյանքի լուսանքներ ժայթքել
Երկնին առաքված, ճշալ մոլեգին...
Բայց խզվեց ձայնս, եւ ես արթնացա...

Эмоционально усилены, выделены в переводе

Бабаяна и следующие строки: “Их расставанье сделало печальным” – “Ողբի վերածեց պահն այս րաժանման” (сделало скорбным), у В.Давтяна перевод точен. “Жизнь моя безбрежна” в переводе В.Бабаяна предстаёт эмоционально обобщенным скорбным итогом: “Ընկալեցի Չեղյալ ու անմիտ իմաստն այս կյանքի” (познал я несуществующий и нелепый смысл этой жизни). У В.Давтяна точно передан смысл этой строки: “անսահման է կյանքը ինձ տրված”.

“Горькие страдания” В.Бабаян переводит “թունոտ տանջանքներ” (ядовитые страдания); В.Давтян точен – “դառնագին տառապանք”; брэнное тело у В.Бабаяна становится

отвратительным (“պղծյալ մարմին”), и здесь также точен В.Давтян (“ունայն մարմին”), “предметы земные” получают у В.Бабаяна эпитет “бесформенные” – “իրեր աշխարհիկ, տձև” (у В.Давтяна – “երկրային իրեր”).

В сборнике 1982 года была напечатана также “Ночь II” (“Погаснул день! и тьма ночная своды”) в переводе В.Геворкяна [4, с. 110-112].

Приведем начальные строки с характерным для этого стихотворения разорванным поэтически синтаксисом. Первые три строки одиннадцатисложные, четвертая – семисложная, пятая – одиннадцатисложная. Два переноса в этих пяти строках:

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.

Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,

И между них земля вертелась наша;

Перевод В.Геворкяна:

Օրը մարեց: Մռայլ խավարը գիշերվա
Պատեց կամարն երկնի մի սև սափանի պես:

Տեղ-տեղ խավարի մեջ հաճում էին միայն
Ու առկայծում լույսի ինչ-որ աղոտ կետեր.

Նրանց միջև և մեր երկիրն էր պտտվում.

Своды небесные в переводе оказываются в одной строке (без переноса) и в единственном числе. Семисложная строка выравнивается в переводе в одиннадцатисложную.

Так и третья строка второй строфы, в оригинале – 9 сложная (“И звезды заслонил собою...”), в переводе – 11 сложная (“Եվ իրենով ծածկեց աստղերը... Նրա դեմ”).

В оригинале далее следуют две строки с анафорой:

И целые миры пред ним уничтожались,

И все трещало под его шагами.

В переводе “пред ним” (նրա դեմ) перенесено в предыдущую строку. А в следующих нет анафоры:

Ոչնչանում էին աշխարհներ բովանդակ,

Քայլերից ճարճատում, ճայթում էր ամեն ինչ.

Приведем конец второй строфы:

Ничто встревожиться не мыслило – единый,

Единый смертный видел, что не дай Бог

Созданию живому видеть...

Слово “единый” подчеркнута и местом в конце строки, и повтором в начале следующей. В переводе нет такого выделения, и последняя строка (в оригинале девятисложная) удлиняется и выравнивается с другими, двенадцатисложными:

Բայց տազնապել, հուզվել չի մտածում ոչ ըր.

Միակ մահկանացուն տեսավ միայն այն, ինչ,

Աստված չանի, տեսնի մեկ ուրիշ արարած...

В оригинале пять неравных строф, в переводе – две строфы. Последняя восьмистрофная строфа в переводе становится восьмистрофной. Не сохранено и выделение слов: в оригинале “Скелет” (14 строка) с большой буквы, в 25 и 26 строках выделено “он”.

Появление первого перевода “Смерти” в трехтомном издании произведений Лермонтова можно объяснить стремлением хронологически и тематически продуманно представить творчество поэта. Позже, в сборник 1982 года, составитель и переводчик большей части стихотворений В.Геворкян включил перевод “Ночи II”. Современным подтверждением интереса к Лермонтову, причем не только к наиболее известным, вершинным его произведениям, является перевод В.Бабаяна. В сборник “Многозвучие” включен также перевод “Исповеди” Лермонтова, являющейся первым воплощением темы, развитой впоследствии в “Боярине Орше” и “Мцыри”.

Литература:

Бабаян В. Многозвучие. Переводы и переложения, Ереван, 2003, с. 85-88 (на армянском языке).

Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, т. 1, Ереван, Айпетрат, 1941 (на армянском языке).

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в трех томах, т. 1, Ереван, “Айастан”, 1965, с. 122-125 (на армянском языке).

Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, Ереван, “Советакан грох, 1982, с. 141-144 (на армянском языке).

“Мир Лермонтова”, Санкт-Петербург, 2015.